

Роман Дж. Конрада «На взгляд Запада» в рецепции Г. Герлинга-Грудзиньского: имагологический и экзистенциальный аспекты

Аннотация:

В статье дается анализ образов и стереотипов России и русских в романе Джозефа Конрада «На взгляд Запада» в сопоставлении с книгой Герлинга-Грудзиньского «Иной мир». Реконструируется историко-литературный контекст стереотипных образов России в романе Конрада. Рассматривается интерпретация романа Конрада «На взгляд Запада» в статье Герлинга-Грудзиньского «На взгляд Конрада». Подчеркивается, что Герлинг-Грудзиньский выявляет экзистенциальные идеи Конрада, полноценному раскрытию которых помешал стереотипный взгляд на Россию. В книге «Иной мир» Герлинг-Грудзиньский показывает образ человека в экзистенциальном аспекте, демонстрируя свободу от стереотипного видения образов России и русских.

Ключевые слова:

Конрад, «На взгляд Запада», Герлинг-Грудзиньский, «Иной мир», канон, стереотип, метастереотип, рецепция, интертекстуальность, экзистенциализм

Leonid A. MALTSEV
(Kaliningrad)

Joseph Conrad's novel «Under Western Eyes» at the reception of Gustaw Herling-Grudziński: imagological and existential aspects

Abstract:

The paper analyzes images and stereotypes about Russia and the Russians in Joseph Conrad's «Under Western Eyes» in comparison to Herling-Grudziński's «A World Apart». The historical and literary context of stereotypic images of Russia in Konrad's novel is reconstructed. The interpretation of Konrad's «Under Western Eyes» in Herling-Grudziński's article «Under Konrad's Eyes» is analyzed. It is underlined that Herling-Grudziński reveals Konrad's existential ideas,

whose disclosure was prevented by a stereotypic view on Russia. In his «A World Apart» Herling-Grudziński shows images of Russian people in an existential aspect, demonstrating freedom from stereotypical perception of images of Russia and the Russians.

Keywords:

Conrad, «Under Western Eyes», Herling-Grudziński, «A World Apart», canon, stereotype, metastereotype, reception, intertextuality, existentialism

По верной констатации В.А. Хорева, «в творчестве польских Романтиков, прежде всего А. Мицкевича, был выработан особый канон отношения к России»¹. Этот канон распространился на польскую литературу XIX и даже XX вв., в котором «романтическая парадигма» (определение М. Янион) оставалась влиятельным, даже во многом определяющим фактором литературного процесса. Для литературы XX в. канонизатором стереотипных представлений о России и русских, наряду с Мицкевичем и другими романтиками, был Теодор Юзеф Коженёвский, известный миру под именем англоязычного прозаика Джозефа Конрада. Его роман «На взгляд Запада» (1911), которому в российской критике предшествующих десятилетий уделялось недостаточно внимания, в новейших исследованиях В.М. Толмачева², С.Б. Королевой³ был интерпретирован с точки зрения включенности творчества Конрада в английский литературный контекст, но при таком подходе остается в тени польская идентичность писателя. Англоцентрический взгляд Конрада на Россию во многом обусловлен позицией самого автора, который, фокусируя внимание на образах России и русских, уходит от обсуждения «польского вопроса», что для английского писателя польского происхождения является, прежде всего, стремлением к максимальной сдержанности. Не случайно в предисловии 1920 г. Конрад пишет об «отстраненности от любых страстей, предрассудков и даже личных воспоминаний»⁴. «Отстраненность», или даже «отслоенность» («detachment»⁵), является основным принципом конрадовского восприятия России, мотивирующим ввод опосредующей фигуры рассказчика-англичанина, преподавателя иностранных языков, добросовестно фиксирующего все наблюдения и впечатления от общения с русскими людьми, но выступающего представителем западной цивилизации с неизбежным дефицитом понимания России и рус-

ских. Заведомая «отстраненность» повествователя от России является, в конечном счете, попыткой Конрада посмотреть на политико-идеологические и моральные проблемы Восточной Европы глазами человека Западной Европы. Сознвая недостаточную полноту и глубину такого восприятия русской и, в целом, восточноевропейской тематики, Конрад постоянно акцентирует этот «взгляд Запада», связывая с ним, несмотря на вышеуказанные недостатки, достоинства рациональности, объективности, взвешенности и необходимый минимум эмпатии.

Однако манифестируемый Конрадом «взгляд Запада», в основе которого лежит критерий рационалистической дисциплинированности и дистанцированности в описании и оценке происходящего, является особым авторским приемом, свидетельствующим, по умолчанию, что «внутренний» взгляд автора не чужд характерного для поляка эмоционального восприятия России, которое является «западным» лишь относительно — с точки зрения русского, но не с точки зрения английского читателя как адресата сочинений Конрада.

О наличии эмоциональных и даже иррациональных элементов в конрадовской оценке России свидетельствует скрытый диалог с русскими писателями и, прежде всего, с Достоевским, ведущийся англо-польским писателем на протяжении всего романа. Об этом говорит множественность аллюзий и реминисценций из романов Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы». Само присутствие «достоевского» текста в «конрадовском» тексте служит для автора романа «На взгляд Запада» «тренировкой» сдерживания эмоций, поскольку, пишет Рафал Блут, «автор “Лорда Джима”... обычно терял присущее ему самообладание, когда начинался разговор о Достоевском», в то время как «критики Конрада, несмотря на это упорно демонстрируемое неприятие, очень часто соотносили имена этих двух писателей»⁶. По справедливому замечанию того же исследователя, диалог Конрада с Достоевским относится к «влияниям определенного типа, которые критик русской формальной школы назвал “влияниями через отторжение”. Такое влияние имеет место, например, тогда, когда писатель В., отрицательно относящийся к писателю А., вступает с ним в опосредованную полемику, противопоставляя его идеям и творчеству свои собственные идеи и творчество»⁷.

Эстетический феномен «влияния через отторжение» соотносим с социокультурным явлением метастереотипа как особого «имагологического продукта», в основе которого лежит представление о том, как представителей нашего этноса воспринимают и оценивают представители другого (чужого) этноса, а также наш способ эмоционального реагирования на «чужую» точку зрения. Нидерландский имаголог Джоэп Леерсен справедливо пишет об особой значимости «метастереотипов» и «метаобразов», которые «существуют исключительно через приписывание другим способа, каким они, по нашему мнению, смотрят на нас»⁸. Явление метастереотипности характеризует «западный» взгляд Конрада на Россию, поскольку русским персонажам его романа, как правило, свойственна позиция превосходства по отношению к мещански ограниченной психологии Запада. С точки зрения Конрада, общенациональным идеологом превосходства России перед Западом был Достоевский, и эта позиция русского писателя была принята не только консервативно-монархической, но даже и либерально-революционной частью русского общества.

В романе «На взгляд Запада» интертекстуальные связи с русской литературой, в первую очередь, с романами Достоевского, соединены с метастереотипными и гетеростереотипными представлениями о России. Но если метастереотипы связаны, скорее всего, с конрадовским индивидуальным опытом рецепции русской литературы, а также с англоязычным культурным контекстом, то генезис гетеростереотипов России и русских обусловлен связями Конрада с родной ему польской культурой, в которой своеобразной манифестацией «канона восприятия России» являются стихотворения Мицкевича «Дорога в Россию», «Друзьям москалям», а также весь цикл «петербургских» стихотворений. Чеслав Милош пишет в связи с этим: «“Отрывок” [Мицкевича. — Л. М.] можно назвать обобщением польского восприятия России в XIX веке, и Джоозеф Конрад, конечно, читавший поэму, повторил ее содержание в некоторых произведениях, например, “На взгляд Запада”»⁹.

В стихотворении «Дорога в Россию» Мицкевич создает психологический портрет русского народа, соотнося его с суровыми природными условиями. Образ заснеженной равнины соответствует метафоре *tabula rasa*, означающей, в восприятии польского поэта, равную открытость как добрым, так и злым начинаниям в истории:

«Чужая, глухая, нагая страна — / Бела, как пустая страница, она...»¹⁰. Обращаясь к мицкевичевскому образу России и русских как «чистой доски», Конрад проводит аналогию между национальным характером и бескрайними белыми просторами России: «... снег покрывал бесконечные леса, скованные льдом реки, равнины громадной страны, стирая любую веку, любую неровность почвы, уравнивая все под единообразием белизны, под чудовищным белым листом, готовым, чтобы на него занесли самую невообразимую историю»¹¹.

Несмотря на этот и другие явные мицкевичизмы в межкультурном дискурсе Конрада, его идеологическую позицию нельзя отождествлять со взглядами на Россию Мицкевича. Главное отличие — в том, что Мицкевич не придерживается принципа «отстраненности» в раскрытии русской темы. Об этом говорит, например, курс лекций «Славянская литература» 1840–44 гг., в котором Мицкевич высказывается перед французской аудиторией от имени не только польской общественности, но и общеславянской, в том числе русской. Стихотворение «Друзьям-москалям» обнаруживает двойственность восприятия России Мицкевичем, сказывающуюся, с одной стороны, в антипатии к самодержавию, но с другой, в симпатии к революционно-декабристскому движению, с некоторыми деятелями которого — Рылеевым и Бестужевым-Марлинским — Мицкевич был знаком лично. У Конрада же одинаково отрицательный взгляд как на самодержавную, так и на революционно-демократическую Россию: «Жестокость и идиотизм самодержавия... порождает не менее идиотический и жестокий ответ на него — чисто утопическую революционность, считающую главным своим средством разрушение»¹². Негативное отношение Конрада к «другой» (антисамодержавной) России проявилась в карикатурном изображении им русских обитателей женеvского квартала «La petite Russie». Заметную роль в этой части повествования играет революционный деятель Петр Иванович, иронически называемый «великим человеком», прототипом которого является Михаил Бакунин, который, будет нелишним напомнить, общался с Мицкевичем¹³. В отрицательном собирательном образе русского анархического, народовольческого, а также социал-революционного (эсеровского) движения Конрад сближается со своим вечным оппонентом Достоевским как автором романа «Бесы».

Трудно преувеличить влияние Джозефа Конрада на многие поколения польских писателей XX в. — от Стефана Жеромского

до Рышарда Капуциньского¹⁴. С этим влиянием связано то, что Конрад внес вклад, с одной стороны, в стабилизацию, а с другой, в модификацию мицкевичевского канона восприятия России в польской культуре. Верно суждение В.А. Хорева, что бытование стереотипов и канонов в национально-культурной традиции имеет многообразные и иногда даже взаимоисключающие формы выражения: «...происходит постоянная пульсация напряжения между традиционной установкой и ее размыванием либо обогащением новыми историческими фактами и новым осмыслением уже известных фактов. Обращаясь к свидетельствам культуры, мы обнаруживаем своеобразный парадокс. С одной стороны, культура транслирует стереотипы, с другой — в наиболее высоких своих проявлениях — преодолевает стереотипы, узурпировавшие массовое сознание»¹⁵. Сравнивая вклад Мицкевича и Конрада в формирование польского канона восприятия России, нельзя не обратить внимание на очевидное преимущество английского писателя: будучи писателем, гораздо более широко, чем автор «Пана Тадеуша», известным в культурном пространстве Запада, Конрад внес, может, не до конца сознаваемую им самим лепту в формирование устойчивых представлений в западном обществе о предубежденности поляков по отношению к России. Метастереотипное мнение о том, что любой поляк, силой вещей, должен быть отрицательно настроен к России, несомненно, оказывало большое влияние на судьбу литературных произведений польских писателей-эмигрантов, публикуемых на Западе. Ярким примером этого является книга «Иной мир» Герлинга-Грудзиньского, написанная в 1949–50 гг. в Лондоне, опубликованная в 1951 г. в англоязычном переводе Анджее Чёлкоша и в 1953 г. в оригинале. Несмотря на благожелательность рецензентов, как вспоминал Герлинг-Грудзиньский, один из критиков сделал оговорку, что «автор является поляком, “а ведь известно, как относятся поляки к русским”»¹⁶. Можно предположить, что заведомое знание того, как «относятся поляки к русским», не названный по имени рецензент приобрел в результате прочтения романа Конрада «На взгляд Запада».

Конрад был для Герлинга-Грудзиньского литературным учителем, как и Достоевский. Герлинг высоко ценил моральную философию и тесно связанное с ней художественное начало творчества Конрада, которое автор «Иного мира» воспринимал как эталон соб-

ственного творчества, что проявилось, например, в статьях Герлинг-Грудзиньского «Воображаемое интервью с героем “Тайфуна”» (1945), «Лорд Джим и товарищ Ян» (1947). Однако статья «На взгляд Конрада» (1957) является не апологетической, а критической по отношению к роману Конрада «На взгляд Запада», манифестирующей расхождение Герлинг-Грудзиньского с негативным стереотипом России и соответствующим литературным каноном. Рассматривая роман «На взгляд Запада» не только с точки зрения смешанной польско-английской идентичности Конрада, но и его идейно-политического, историософского и морально-этического мировоззрения, Герлинг-Грудзиньский утверждает, что «банальный в своей традиционности»¹⁷ отрицательный этностереотип России и русских стал одной из главных причин «глубокого художественного изъяна, который проходит через всю историю Разумова»¹⁸. Ссылаясь на утверждение нам неизвестного английского «профессора Дж. Д.Г. Коула» о том, что автор романа «На взгляд Запада» выступил «в роли переводчика, объясняющего одну часть Европы другой»¹⁹, Герлинг-Грудзиньский приходит к выводу о художественной неудаче романа: «“Переводчик” взял в нем [в Конраде. — Л. М.] верх над писателем и обрек на милость или немилость исторической актуальности книгу, которая могла бы быть произведением искусства, если бы не должна была быть учебником по психологии России для западной аудитории. Другими словами, то, что в этом романе глубоко и непреходяще, разыгрывается на глазах Конрада и незаметно для взгляда Запада; то, что поверхностно и преходяще, время от времени обращает на себя внимание Запада, но очень сильно зависит от польского атавизма, пропущенного через английский фильтр, хотя слишком слабо — от непосредственного писательского опыта»²⁰.

На предположение конрадовского рассказчика, как бы почувствовал себя «молодой англичанин», оказавшийся в положении Разумова, когда к нему пришел домой революционер-террорист, только что совершивший политическое убийство («Допустив некоторую экстравагантность суждений, он мог бы еще, пожалуй, вообразить себя брошенным без суда в тюрьму, но только в бреде (да и то едва ли) допустил бы он возможность применения к себе кнута как практической меры дознания или наказания»²¹), Герлинг-Грудзиньский реагирует историческим комментарием, иронически опровергающим

вышеприведенное аподиктическое суждение: «... спустя десять лет после написания этих слов, в 1920 году, английский парламент оставил в силе закон порки в исключительных случаях, так называемый *cat-o'-nine-tails* («кот с девятью хвостами»); поэтому молодому англичанину не требовалось особой фантазии, чтобы вообразить по крайней мере один пример российского самовластия, когда британский лев (или, точнее, кот) выпускает свои когти»²².

Наиболее существенным недостатком исторического содержания романа «На взгляд Запада» Герлинг-Грудзинский считает то, что революционный терроризм описывается Конрадом исключительно как явление русской действительности при игнорировании сходных процессов в других странах. Сопоставляя анализируемый роман с книгой-эссе «Бунтующий человек» Альбера Камю, Герлинг-Грудзинский полагает, что Конрад упустил шанс показать «тридцатилетнее кровавое апостольство»²³ не только как русское, но и как международное явление («выстрел Веры Засулич в генерала Трепова отозвался эхами покушений в Германии, Италии, Испании, Австрии, Франции, Соединенных Штатах (только в 1892 году было совершено более тысячи бомбометаний в Европе и пятьсот в Америке)». По словам Герлинга-Грудзинского, Конрад опрометчиво «отвернулся от возмущенного потока европейского революционизма, чтобы пронзить гневным взглядом призраки русских революционеров, всматривающихся в Неву и в Леманское озеро»²⁴.

Свое призвание как критика Герлинг-Грудзинский видит в том, чтобы за поверхностно-тенденциозным «слоем» историко-политической инвективы, направленной против России, обнаружить глубокий «слой» конрадовского экзистенциального повествования («... надо очистить заиленное дно этого романа, чтобы, наконец, увидеть, что в действительности кроется за этими залежами то антирусскости, то архипольскости, а то архианглийскости»²⁵). Экзистенциально-универсальный смысл романа Конрада в критическом дискурсе Герлинга-Грудзинского связан с позицией Бертрана Рассела, написавшего, как известно, предисловие к англоязычному первому изданию книги Герлинга-Грудзинского «Иной мир». Имя Конрада появляется в датированном 13 декабря 1973 г. дневниковом воспоминании Герлинга-Грудзинского о его визите к Расселу: «“Он [Конрад. — Л. М.] был великий писатель и великий человек, у него была благородная ду-

ша”... Я вставил, что Конрад постепенно забывается. “Это потому, что мы живем в бездушном мире. И наверное, уже не сможем из него выйти”»²⁶. В анализируемом эссе «На взгляд Конрада» роль ключа к экзистенциальному смыслу анализируемого романа Герлинг-Грудзинский отводит другому высказыванию Рассела о Конраде: «Из всего, что он написал, я всегда восхищался страшной повестью “Сердце тьмы”... Эта повесть полнее всего выражает, по моему мнению, философию его жизни. У меня складывается впечатление..., что цивилизованную и морально сносную жизнь людей он представлял как опасную прогулку по тонкой корке едва застывшей лавы, которая каждую минуту может образовать трещину и сбросить смельчака в огненную пропасть»²⁷. И далее: «Его интересовала индивидуальная человеческая душа перед лицом равнодушия природы, а также ее враждебности человеку, превращенная в поле внутренней борьбы со страстями, и добрыми, и злыми, которые ведут к уничтожению. Трагедия одиночества занимала значительную часть его мыслей и чувств»²⁸.

В размышлениях Герлинга-Грудзинского и Рассела основным является понятие души, проходящей испытание в экстремальных обстоятельствах бездушного мира. Идеи Конрада и Рассела здесь перекликаются с философией человека у Достоевского, выраженной в «Записках из Мертвого дома» и «Записках из подполья», а также с трагической лагерной прозой, например, с «Иным миром» Герлинга-Грудзинского и «Колымскими рассказами» Шаламова, среди которых особое внимание польского писателя привлекла концовка рассказа «Протезы»: «Ты что сдашь? Душу сдашь? / — Нет, — сказал я. — Душу не дам»²⁹.

Потенциал сопротивляемости независимого и свободного человека враждебным обстоятельствам Герлинг-Грудзинский часто характеризует с помощью конрадовской метафоры «ядра», входящей в традиционный польскоязычный вариант названия повести Конрада «Сердце / Ядро тьмы» («Heart of Darkness» (англ.) — «Jądro ciemności» (польск.)). При интертекстуальном «посредничестве» Конрада Герлинг-Грудзинский дает оригинальную интерпретацию антропологической формулы Кафки, выраженной его 50-м афоризмом: «Кафка утверждает, что человек не в состоянии жить без доверия к чему-то неуничтожимому в себе: бывает однако, что он не сознает

в себе этого неуничтожимого “ядра”, и одной из форм этой неосознанности является вера в Бога»³⁰ («Дневник, писавшийся ночью», 14 декабря 1971 г.). В фильме Анджея Титкова «Дневник, писавшийся под Вулканом» 1995 г., Герлинг дает еще дальше отходящую от оригинала парафрастическую версию 50-го афоризма: «В человеке должно быть какое-то твердое ядро, которое никто и ничто не сумеет стереть в прах». В отличие от Кафки, для которого этот скрытый «человек в человеке» является аморфным образованием («нечто нерушимое» — «etwas Unzerstörbare»³¹), Герлинг, опираясь на морально-героическую философию Конрада, наделяет внутреннее «я» человека качеством устойчивости (твердости) и, следовательно, неуничтожимое «ядро» души человека становится, по убеждению Герлинга, скрытым ресурсом сопротивления самым тяжелым, даже трагическим обстоятельствам.

В книге «Иной мир» ярчайшим проявлением сформулированного Герлингом кафковско-конрадовского закона «твердого ядра» в человеке является микророман «Рука в огне», в которой рассказывается о трагической судьбе инженера Михаила Алексевиича Костылева. Описывая репрессивный механизм «дезинтеграции личности»³², Герлинг-Грудзинский еще не ссылается на Кафку, применяя к его афоризму смысл конрадовской метафоры «ядра». Однако он использует другие (прежде всего, «огненные» и «каменные») метафоры для того, чтобы выразить представление о некоем не осознаваемом пределе устойчивости в крайних ситуациях, о последнем рубеже сопротивления жертвы, подвергнутой насилию, об упрямстве и силе воли как проявлении трагического героизма: «Уже слишком поздно, чтобы броситься к дверям с криком: “Я хочу к следователю, я невиновен!”», но все еще довольно рано, чтобы... распалить в остывающем *пепле* [здесь и далее курсив мой. — Л. М.] собственной жизни высокий *пламень* из последней *искорки* человечности — из добровольного и почти искусственного мученичества»³³; «[Костылев был. — Л. М.] высокого роста, с головой, слишком большой и угловатой, как бы *вытесанной из грубого камня*... Отрастающие надо лбом волосы еще сильнее подчеркивали в его голове черты *каменной скульптуры*»³⁴. С кафковско-конрадовской метафорой «твердого ядра» соотносится говорящая фамилия героя («костыль» как средство создания дополнительной точки опоры, необходимой для самостояния человека).

С необходимостью экзистенциальной опоры в жизни Костылева связана обозначенная пунктиром история отношений героя с матерью: «Для молодого Костылева любовь к матери была единственной *прочной точкой опоры* в окружающей его действительности»³⁵; «...случай подбросил ему одну из книг, которые он читал на свободе во Владивостоке. Костылев прочитал ее снова, плача, словно ребенок, который *нашел во тьме руку матери*»³⁶. Пуант («ядро») микроновеллы о Костылеве выражен восклицательной концовкой: «О, если бы это видел тот, который своим *одиноким и отчаянным безумием, своей детской слепой тоской по свободе* давно осушил все слезы в ее [материнских. — Л. М.] глазах!»³⁷.

Трудно сказать, насколько осознанными являются интертекстуальные переключки рассказа Герлинга-Грудзиньского «Рука в огне» со стихотворением поэта-романтика Юлиуша Словацкого «К матери»: «Задрожит твое сердце, милая мать моя, / Когда ты увидишь вернувшихся и обласканных, / Проклинать будешь, что такая *твердая была моя броня, / И такая большая выдержка в безумных намерениях*»³⁸. Не менее красноречиво сопоставление процитированной выше концовки микроновеллы Герлинга с концовкой стихотворения Словацкого: «Прости же ему, о моя дорогая пестунья, / Что так он потерялся и так запропастился, / Потому что *если бы не то, чтобы оставить Бога* / Было бы нужно, то тебя бы он, наверняка, не оставил»³⁹.

Сопоставление Михаила Алексеевича Костылева с Кириллом Сидоровичем Разумовым обнаруживает характерологическую антитезу русских героев книги Герлинга-Грудзиньского «Иной мир» и романа Конрада «На взгляд Запада». Если рассказ о Костылеве заканчивается физической смертью героя, который, однако, не сломлен морально, то Разумов, оказавшись между молотом и наковальней революции и реакции, искалечен к концу романа и физически, и нравственно. В «Ином мире» заключенный Герлинг-Грудзиньский поддерживает Костылева и даже предпринимает отчаянную попытку его спасения, предлагая коменданту лагеря себя вместо Костылева в качестве кандидата на колымский этап. Костылев называет Герлинга-Грудзиньского «хорошим другом с Запада»⁴⁰, что характеризует автора «Иного мира» как человека, с сочувствием и симпатией относящегося к русским товарищам по несчастью и не занимающего отстраненной позиции по отношению к русскому миру, присущей конрадов-

скому повествователю, а также польским персонажам «Записок из Мертвого дома» Достоевского.

В книге «Иной мир» Герлинг-Грудзинский демонстрирует свободу от негативных стереотипов России и русских. Отрицательно относясь к тоталитарно-государственному механизму, калечащему жизни и души людей, Герлинг-Грудзинский дает моральную оценку героев своей книги независимо от национального критерия. У Герлинга-Грудзинского представители разных этнических групп (русские, поляки, евреи, немцы) оказываются в ситуации испытания «ядра» человечности, в результате которого человек или спасает свою душу даже ценой своей жизни, или оказывается в ситуации экзистенциального тупика, в который попал, например, герой повести Камю «Падение», сопоставимый с героем эпилога «Падение Парижа» из книги «Иной мир».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Хорев В.А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). М., 2012. С. 23–36.
- ² *Толмачев В.М.* Конрад и его «русские романы» // Конрад Дж. Тайный агент: Простая история. На взгляд Запада. М., 2012. С. 477–534.
- ³ *Королева С.Б.* Россия и русские в художественном мире Джозефа Конрада // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 958–973.
- ⁴ *Конрад Дж.* Тайный агент. С. 220.
- ⁵ *Conrad J.* Notes on My Books. URL: https://www.gutenberg.org/files/20150/20150-h/20150-h.htm#UNDER_WESTERN_EYES (дата обращения: 24.06.2020).
- ⁶ *Blüth R.* Josef Conrad a Dostojewski. Problem zbrodni i kary // *Conrad w oczach krytyki światowej*. Warszawa, 1974. S. 47. Здесь и далее перевод сделан автором статьи.
- ⁷ *Ibidem*. S. 48.
- ⁸ *Leersen J.* Imagologia: o zastosowaniu etniczności do nadawania światu sensu // *Porównania*. 2017. № 2 (21). S. 21.
- ⁹ *Miłosz Cz.* Historia literatury polskiej do roku 1939 r. Kraków, 1993. S. 262.
- ¹⁰ *Мицкевич А.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 240.
- ¹¹ *Конрад Дж.* Тайный агент. С. 242.
- ¹² Там же. С. 221.
- ¹³ *Каминский А.* Бакунин и Мицкевич // *Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре*. М., 2007. С. 146–161.
- ¹⁴ *Григорова М.* Джоузеф Конрад Коженъовски. Творецът като мореплавател. Литература и преселение. Велико Търново, 2011. С. 307–355.

-
-
- ¹⁵ *Хорев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. С. 12.
- ¹⁶ *Herling-Grudziński G.* Inny świat // *Herling-Grudziński G.* Pisma zebrane. Warszawa, 1998. Т. 1. С. 24.
- ¹⁷ *Herling-Grudziński G.* Godzina cieni // *Herling-Grudziński G.* Pisma zebrane. Warszawa, 1997. Т. 8. С. 82.
- ¹⁸ Ibidem. S. 79.
- ¹⁹ Ibidem. S. 78.
- ²⁰ Ibidem. S. 80–81.
- ²¹ *Конрад Дж.* Тайный агент. С. 237.
- ²² *Herling-Grudziński G.* Godzina cieni. S. 89.
- ²³ *Камю А.* Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 245.
- ²⁴ *Herling-Grudziński G.* Godzina cieni. S. 91.
- ²⁵ Ibidem. S. 97.
- ²⁶ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą 1973–1979 // *Herling-Grudziński G.* Pisma zebrane. Warszawa, 1995. Т. 4. С. 48.
- ²⁷ *Herling-Grudziński G.* Godzina cieni. S. 81.
- ²⁸ Ibidem. S. 82.
- ²⁹ *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 592.
- ³⁰ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą 1971–1972 // *Herling-Grudziński G.* Pisma zebrane. Warszawa, 1995. Т. 3. С. 126.
- ³¹ *Kafka F.* Aphorismen (II). URL: <http://www.kafka.org/index.php?aphorismen> (дата обращения: 24.06.2020).
- ³² *Herling-Grudziński G.* Inny świat. S. 87.
- ³³ Ibidem. S. 92.
- ³⁴ Ibidem. S. 106.
- ³⁵ Ibidem. S. 94.
- ³⁶ Ibidem. S. 105.
- ³⁷ Ibidem. S. 111.
- ³⁸ *Słowacki J.* Do matki. URL: <https://literat.ug.edu.pl/jswiersz/126.htm> (дата обращения: 14.06.2020).
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ *Herling-Grudziński G.* Inny świat. S. 110.